

глазами. Суровый и гладко обритый человекъ въ кашемировомъ сюртукѣ смотрѣлъ на всѣхъ изподлобья, угрюмымъ и враждебнымъ взглядомъ.

Варя лежала въ страшномъ жару и никого не узнавала. Въ бреду у ней вырывались слова, никому не понятныя, и, часто, въ страстномъ и нѣжномъ шопотѣ упоминались ласковыя названія. Но къ кому они относились, осталось тайною. Иногда на лицѣ ея появлялась блаженная улыбка и воспаленныя губы шептали едва внятно: какъ хорошо... какъ это хорошо... Расскажите теперь о Женни—это очень хорошо... Ахъ, какая она огромная, эта Женни!—Порою дикій восторгъ загорался въ ея взглядѣ; изъ устъ вырывались нестройныя клики, она все подымалась въ какомъ-то трепетѣ... и снова безсильно упала на подушки и закрывала глаза. Но чаще всего она металась въ тоскливомъ безпокойствѣ и пугливо вскрикивала, въ неподвижномъ ужасѣ расширяя глаза. Казалось, какія-то страшныя видѣнія выступали передъ нею, нестерпимо разрывая ея душу. Одно время, она стала перечислять книги и статьи, указанныя ей Тутолминнымъ,—перечисляла поспѣшно, спутанно, торопливо и умоляла кого-то повѣрить ей и допустить на курсы, гдѣ читаетъ «эта лучезарная Женни»... и вслѣдъ за этимъ, хриплымъ голосомъ восклицала угрожающія слова... и гнѣвно потрясала рукою.

И толстенькій Ихтиозавръ, давно уже растерявшій всѣ свои познанія въ механическомъ полосованіи «мертвыхъ тѣлъ» да въ вѣчныхъ карточныхъ заботахъ, безтолково метался около Вари, прикладывалъ ей компрессы, безпрестанно ставилъ термометръ, озабоченно считалъ горячее биеніе пульса...

На другой день предоставили земскаго Гипократа. Онъ внимательно осмотрѣлъ больную, распросилъ сконфуженнаго Ихтиозавра, скользнулъ по немъ укоризненнымъ взглядомъ—а затѣмъ пожалъ плечами и сталъ дожидаться «перелома».

На третій день пріѣхала мѣстная знаменитость. Мѣстная знаменитость галантно расшаркалась съ Волхонскимъ, пролетела нѣсколько успокоительныхъ фразъ, подержала совѣтъ съ докторами, которыхъ неоднократно обозвала «коллегами», изслѣдовала больную,—а затѣмъ развела руками и стала дожидаться «кризиса».

На четвертый день московская знаменитость прислала телеграмму, въ которой заявляла, что меньше чѣмъ за тысячу рублей она выѣхать изъ Москвы не можетъ...

Московской знаменитости не успѣли отвѣтить. На четвертый